

УДК 327(5-191.2)

ОЦЕНКА РИСКОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

М.Н. Суюмбаев

Анализируются два противоположных процесса, которые привели к снижению глобальной и региональной безопасности, в результате чего сформировались лишь институциональные основы безопасности, а самой безопасности нет.

Ключевые слова: Центральная Евразия; снижение глобальной и региональной безопасности; снижение уровня региональной безопасности.

RISK ASSESSMENT IN CENTRAL EURASIA

M.N. Suyunbaev

It is analyzed two opposite processes, which led to a decrease in global and regional security, which resulted in the institutional framework have safety and security itself – no.

Key words: Central Eurasia; reduction of global and regional security; reducing regional security.

За последние 25 лет произошли два противоположных процесса, которые привели к снижению глобальной и региональной безопасности:

- фрагментация и тенденции к дальнейшей фрагментации в региональном масштабе (распад СССР, тенденции к распаду Афганистана);
- дефрагментация в глобальном масштабе (превращение биполярного мира в однополярный).

1. Глобальные проблемы и современные тенденции в сфере безопасности и международных отношений

Глобальные проблемы сводятся к неустойчивости архитектуры международной безопасности и международных отношений.

Распад биполярной системы мира ненадолго (15 лет) сменился устойчивой системой однополярных отношений при доминировании единственной сверхдержавы (США) – с начала XXI века заметно усилилась роль Китая, России и стран БРИКС в целом, которые пока открыто не бросают вызов однополярному миру, т. к. биполярный мир еще невозможен, и неизвестно, возможен ли он в принципе в современном идеологизированном мире. Опыта современного многополярного мира также нет [1, с. 152–165]. В последней четверти XX века было три претендента на новый полюс: Япония, ФРГ и ЕС.

Спад Японии в определенной мере осознанный, обусловлен нежеланием решать экономические проблемы за счет размывания идентичности.

ФРГ и ЕС пошли другим путем и пожинают сейчас плоды этой политики, а ФРГ до сих пор оправилась от “несварения желудка” – поглощения ГДР.

Япония и ФРГ, несмотря на свой высокий экономический статус, до сих пор являются политическими маргиналами. Их нет в составе постоянных членов Совета Безопасности ООН. Это означает, что сейчас, спустя уже две трети века, политические итоги Второй мировой войны еще не подведены. Это ведет к росту национализма и реваншизма в Японии, что, в свою очередь, – к проблеме “северных территорий” (страны СНГ), следовательно, возникают ограничения в сотрудничестве с Японией.

Косовский прецедент разрушил, а события 2008 г. закрепили разрушение пост-ялтинского мироустройства. Международно-правовые нормы и решения ООН не значат ничего.

Последние 25 лет показали, что однополярный мир более опасен, чем многополярный. В биполярном мире и у СССР, и у США хватало ресурсов, чтобы контролировать “свою” половину Земного шара. Снижение мощи США (его доли в мировом ВВП) на фоне удвоения ответственности показало, что США не в состоянии в одиночку контролировать весь мир. Это одна из главных причин роста международного терроризма [1, с. 152–165].

Постиндустриальная эпоха сломала устоявшиеся представления о мощи государства, “размыла границы” между национальной и международной

безопасностью. Сегодня сфера международных отношений способна как подавить государство, так и стать гарантом его безопасности.

Миропорядок, устанавливающийся после распада СССР, базируется, с одной стороны, на полицентричной модели развития системы международных отношений, с другой – на стремлении ведущих государств мирового сообщества к установлению мирового господства. Он представляет собой противоречивый процесс, чреватый угрозами срыва стабильности и относительной безопасности государств, возможного внезапного нарастания масштабной конфронтации во взаимосвязанном и взаимозависимом мире. Это требует адекватной системы обеспечения международной безопасности в целом, которая сама находится в процессе становления.

В условиях открытости развитые страны беспрепятственно проникают на рынок слабых, разоряя местную промышленность и экспортируя свои социокультурные ценности. Особенно подвержены внешнему воздействию государства переходного периода. Постсоветские страны в результате шоковой либерализации импортировали чужие (и нередко чуждые) стандарты образа жизни (например, индивидуализм). Западные идеалы разрушают формирующуюся национальную идентичность [1].

2. Региональные проблемы и современные тенденции в сфере безопасности и международных отношений

Страны Центральной Евразии (ЦЕА) испытывают на себе влияние самых разных культурно-цивилизационных течений. Они не располагают прямыми выходами к морским коммуникациям. Геостратегически регион относится к сфере второстепенных интересов ведущих мировых держав и остается периферией мирового хозяйства. Иностранцы инвестируют в производство остаются низкими.

Наблюдается наращивание усилий стран Запада по предотвращению контроля за энергоносителями ЦЕА со стороны только России и Китая, а также ограничению военного присутствия России в регионе. Усиливается стремление мусульманских стран добиться политического влияния в регионе. Намечающееся стремление России сохранить и упрочить свое влияние в новых независимых государствах региона происходит в условиях ее политического, экономического и военного ослабления.

Борьба развитых стран за доступ к природным ресурсам, выбор коммуникаций и захват рынков сбыта – все это повлияло на внешнеполитическую ориентацию новых независимых государств. Однако пока ни одной из стран Запада и Востока не удалось завоевать доминирующие позиции в Центральной Евразии. Процесс ее геополитического определения еще не завершен.

Межгосударственные отношения в регионе характеризуются, с одной стороны, стремлением к интеграции, с другой – конкуренцией в борьбе за выживание, обусловленной процессом национального самоопределения, поиском путей интеграции в мировое сообщество, проблемами внутреннего национально-государственного переустройства.

- В настоящее время регион характеризуется как:
- область передела сфер влияния;
 - благоприятная среда для развития международного терроризма и религиозного экстремизма;
 - сфера развития наркобизнеса;
 - соседство с территорией, где сильны сепаратистские настроения (СУАР КНР);
 - зона особого внимания из-за Каспийского бассейна и ситуации в Афганистане;
 - зона возможной миграционной экспансии.

Тенденции развития обстановки в регионе не дают гарантий уверенности в безопасности. Отсутствуют твердые международные гарантии со стороны военно-политических союзов, блоков и сопредельных стран ЦЕА.

Нечувствительность уровня безопасности к изменениям ее институциональных условий. Последние 3,5 года все говорят о мировом экономическом кризисе. Наш регион уже 500 лет находится в цивилизационном кризисе, но никто об этом не говорит. Цивилизационное развитие страны в значительной мере определяет уровень его стабильности и безопасности [2, с. 237–244]. Понятие “безопасность”, в том числе региональная, относительное. Если мы перенесемся на 38 лет назад – в 1976 год, то обнаружим удивительную картину:

- республики региона ведут тихую безмятежную жизнь в составе единого могучего СССР;
- Афганистан живет мирной, созидательной жизнью, свободной от наркотиков;
- Иран живет как современное светское государство;
- вся эта территория не подозревает о международном терроризме и о проблемах нераспространения ядерного оружия;
- регион входит в пространство, которое является “экспортером” нестабильности, а не “импортером”, как сейчас. Но “зато” в то время не было других вещей:
- ОДКБ, ШОС;
- программы “Партнерство во имя мира” НАТО;
- статуса “позитивного нейтралитета” Туркменистана;
- Договора о зоне, свободной от ядерного оружия (заклучен в сентябре 2006 года);
- военных баз далеких держав в “Манасе”, Термезе и др.;

- Совещания по выработке мер доверия в Азии (СВМДА);
- Международной антикризисной группы;
- бесчисленного количества конференций по региональной безопасности.

То есть, мы наблюдаем укрепление институциональных основ безопасности на фоне снижения уровня региональной безопасности [2, с. 237–244]. Институциональные основы есть, а безопасности нет. В чем же дело?

В середине XX века начались интеграционные процессы, а в конце XX века – глобализационные. Поэтому в конце XX – начале XXI века создание новых государств означает процесс, обратный тому, что был в XIX веке. То есть выделение протогосударств из “совершенных” наций-государств. В этих условиях создавшиеся протогосударства существуют главным образом как квазигосударства, (еще) несостоявшиеся государства. Единственный выход для них – возврат в естественный процесс, но не формирования наций-государств, а более больших пространств – интеграций.

Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан попали в последние 20 лет в порочный круг бедности, т. е. ситуацию самовоспроизведения бедности. Низкие доходы определяют неудовлетворительное здоровье, низкое образование и производительность труда и в конечном счете обуславливают сохранение бедности. Это приводит к усилению социальной напряженности, являющейся питательной средой для идей экстремистских группировок. К “порочному кругу бедности” добавляется “порочный круг безопасности”, когда высока опасность экстремизма и международного терроризма. Все это ухудшает инвестиционную привлекательность и, в свою очередь, приводит к дальнейшему снижению социально-экономического развития и безопасности.

Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан являются малыми странами, одним из основных признаков которых является необходимость внешней помощи для обеспечения безопасности и выхода из “порочного круга безопасности”. Основная угроза – утрата государственности. Мало состояться в качестве государства. Необходимо еще достигнуть определенного уровня экономической зрелости. Фундаментальной проблемой является то, что основные угрозы нестабильности в странах региона находятся внутри самих стран, а внутренняя нестабильность объективно является внешней угрозой соседям по региону. Например, гражданская война в Таджикистане.

Казахстан от этих процессов удерживают пока высокие доходы от продажи нефти. Но последние означают, что в Казахстане идет экономический рост (увеличивается ВВП) на фоне деградации экономи-

ческого развития, потому что горнодобывающая отрасль относится к сырьевому сектору экономики.

Но Казахстан, в отличие от других стран региона, – единственная страна, которая испытывает непосредственное давление и со стороны России, и со стороны Китая. Она испытывает более сильное давление со стороны США, как держатель углеводородов. А в перспективе будет испытывать давление еще и со стороны Ирана...

С Афганистаном для нас главное – стабилизация (невозможная без развития) Афганистана. А в каком формате это может быть сделано – вторично. Меры, которые принимает мировое сообщество в отношении Афганистана на протяжении трех десятилетий, так и не привели к положительным результатам. Создается впечатление, что “лечат симптомы, а не болезнь”. А лечение болезни надо начинать с описания ее истории.

В начале 2-го тысячелетия, в X–XI веках, наш регион, включавший тогда в себя и северную часть нынешнего Афганистана, был одним из самых развитых в мире. А в Европе это период известен как “мрачное Средневековье”. Но потом регион вдруг стал деградировать. А ведь люди, живущие в нем, остались те же, не стали глупее или ленивей. Что же произошло?

Если посмотреть, что предшествовало периоду надлома и что последовало за ним, то мы увидим следующее. В середине XV века (1453 г.) пал Константинополь – под натиском Османской империи, которая тогда находилась на подъеме. Противостояние Османской империи и Европы привело к ликвидации основного товаропотока “из” и “в” Европу и, как следствие, к угасанию Великого Шелкового пути. В это же время были созданы навигационные предпосылки (в том числе и астрономами региона) для некаботажного мореплавания из Европы в Китай и обратно. Это сделало нецелесообразным возрождение Шелкового пути после решения проблемы Османской империи.

Сотни тысяч ремесленников, десятки тысяч торговцев остались без работы. (В “Благодатном знании” Жусупа Баласагунского [3] о ремесленниках говорится: “Их много, считать будет долгая речь”). А вслед за ними – тысячи ученых и деятелей культуры, обслуживавших нужды активно развивавшегося общества. Догматизация ислама, пришедшаяся примерно на этот же период, завершила дело.

Вернемся теперь в настоящее. До войны большинство населения Афганистана жило в условиях натурального хозяйства, существовало вне глобализации – информированности о мире. Война, как ни парадоксально, включила афганцев в глобализацию – информированность: лагеря подготовки в Пакистане и других странах, современная инфраструктура военной информации, Интернет, международные во-

енные инструкторы. Изменились стандарты жизни, появились деньги для нее. В традиционном сельском хозяйстве трудно достичь современных стандартов жизни, тем более в условиях региона.

Страны региона пропустили стадию угольной цивилизации с ее инфраструктурой в виде железных дорог и заводов. Мы перескочили (благодаря советской власти) от дровяной цивилизации сразу к нефтяной. Но не Афганистан... И для нас не все так просто: опыт показывает, что история не прощает таких “перескоков”.

И если Казахстан находится в индустриальной эпохе, а другие постсоветские страны региона – в традиционной, то Афганистан – в архаичной.

Еще один немаловажный момент заключается в том, что если города региона находятся на индустриальном или даже постиндустриальном этапе развития, то на местах мы имеем дело с феодальными элементами, а где-то даже, может быть, с первобытно-общинными. В этом отношении страны региона не являются однородными. Если говорить в другом контексте – нефтяная цивилизация, угольная, то у нас опять же разные части страны находятся на различных цивилизационных уровнях, и поэтому думать, что одни и те же рецепты могут быть применены ко всей стране в целом, ошибочно.

Имеется неопределенность и незащищенность границ, отсутствие внутрирегиональных мер доверия. Неопределенность межгосударственных границ и разновекторное изменение политических систем негативно отражается на внутрирегиональных взаимоотношениях. Отсутствие прогресса в решении пограничных проблем означает, что все его соседи и он сам не завершили суверенизацию, потому что один из критериев суверенитета – наличие международно признанных границ.

Изменение общественного строя повлекло за собой массовую внутреннюю и внешнюю миграцию. Выезд наиболее дееспособной и предприимчивой части населения привел, с одной стороны, к потере квалифицированных кадров, подрывающей основы оздоровления экономики, а с другой – к сокращению населения отдельных сельских районов и увеличению социальной напряженности в городах.

Если в результате миграции и/или сокращения рождаемости этнос региона войдут в фазу депопуляции – они из нее уже не выйдут, исчезнут.

Прогрессирующее изменение климата, сокращение ледников и стока рек уже в ближайшем будущем приведет к дефициту воды на орошение, к сокращению выработки электроэнергии и, как следствие, к межгосударственным конфликтам в регионе.

Таким образом, фундаментальные решения проблем региональной безопасности заключаются в следующем:

- фрагментации в глобальном масштабе (превращение однополярного мира в многополярный);
- дефрагментации в региональном масштабе – эффективные интеграционные процессы.

Только массивированные инвестиции со стороны США, Турции, Ирана и арабских стран по созданию нефтяного комплекса, ориентированного на Запад и Ближний Восток, способны (1) поставить заслон на пути экономических и политических амбиций Китая. Китай нужен России для (2) сдерживания угрозы радикал-исламизма.

Талибы пока держат регион в напряжении, тем самым изолируя Китай от иранской нефти и газа, но изолировать Китай можно и другим путем. Для сдерживания Китая необходимо нормализовать отношения Иран – Запад и Иран – арабский мир. Усиление Ирана в рамках нормализации его отношений с Западом могло бы решить и задачу 1, и задачу 2.

Развитие (возврат) России в регион возможно, и для Афганистана это неопасно.

Развитие (экспансия) Китая для региона опасно, его дестабилизация еще опасней.

Развитие США невозможно из-за стагнации, дестабилизация для региона опасна.

Дестабилизация конкурентов возможна двумя методами – революцией снизу и возвращением правительств сверху. Китай пока не очень поддается ни тому, ни другому.

Развитие (и возврат после длительного отсутствия) Ирана – для региона неопасно, для России и КНР желательно, для США (при сохранении конфронтации) нежелательно.

Рост влияния Китая усиливает политическую привлекательность Америки в регионе.

Неясно, какое значение для будущего региона будет иметь проекция brutального решения проблем Афганистана и Ирана на регион.

Проблемы во взаимоотношениях США и Ирана носят субъективный, временный характер. И они могут прийти в норму, как это было при шахе Пехлеви треть века назад.

Литература

1. Суюнбаев М.Н. Изменения и риски во внешнем окружении Кыргызстана / М.Н. Суюнбаев // 20 лет демократического развития Кыргызстана: взгляд изнутри и извне. Бишкек, 2013.
2. Суюнбаев М.Н. Опыт и уроки геостратегии Центральной Евразии / М.Н. Суюнбаев // Материалы междунар. конф. “Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии”. Бишкек, 2008.
3. Баласагунский Ж. Благодатное знание / Ж. Баласагунский. М.: Наука, 1983. 557 с.